

*Брюховецкий Николай,
аспирант каф. философии, КДПУ,
научный руководитель д.ф.н. Шрамко Я.В.*

Роль категории знания в философии Платона

В философском творчестве Платона категории знания отводится одно из ведущих мест. Так, знание является объектом рассмотрения многих диалогов – «Теэтет», «Федон», «Государство», «Пир», «Менон». К тому же, понятие знания очень часто упоминается и в остальной части философского наследия Платона. На наш взгляд этому понятию не случайно уделяется такое внимание именно в первой идеалистической системе философии.

Понимание знания у Платона

Прежде всего, для анализа роли знания в философской системе Платона следует уточнить его понимание.

Определение знания Платон пытается дать в диалоге «Теэтет». Здесь действующими лицами формулируются три понятия знания. Каждое из этих понятий подвергается детальному анализу, и в конце концов отвергается главным действующим лицом диалога – Сократом. Первым предлагаемым для рассмотрения пониманием знания является отождествление знания с ощущением. Следующим – является определение знания как истинного мнения. И, наконец, последним в диалоге приводится понимание знания в качестве истинного мнения с объяснением. В каждом из предлагаемых определений Платон видит существенные недостатки. Тем не менее, последнее определение является, на наш взгляд, наиболее близким Платону. Такой вывод можно сделать, проанализировав другие его диалоги: ни в одном из них не формулируется окончательное определение какого-либо понятия, а только поднимаются проблемы, связанные с такой формулировкой. И, как правило, наиболее «совершенные» и «полные» определения разбираются в конце

произведений. Таким образом, вполне можно допустить, что определение знания как истинного мнения с объяснением было наиболее полным из всех возможных и наиболее близким Платону.

Но указанное понимание больше касается формальной стороны определения знания.

Что же касается содержательной стороны, то в первой части диалога «Теэтет», в так называемой «отрицательной диалектике» Сократа [1, с. 86] есть конструктивный момент, который, на наш взгляд, может также свидетельствовать о взглядах самого Платона на понятие. Так, при формулировке главного довода в пользу опровержения понимания знания как ощущения Сократ указывает, что для знания нужно «схватить сущность» (186 d), нужно «размышление о сущности» (186 с), «рассмотрение существующего» (187 а) [6]. Очевидно, эти слова выражают взгляд самого Платона, который и заключается в том, что атрибутивным признаком знания есть постижение *сущности* любого предмета.

Таким образом, мы будем исходить из того, что знание Платоном понималось как истинное мнение с объяснением, содержанием которого есть *сущность* того или иного предмета.

Роль знания для онтологии Платона

В досократической античной философии наиболее популярными были две противоположные методологические установки – «линия Гераклита» (все течет и меняется), и «линия Парменида» (все едино и неподвижно). Каждая из этих установок ко времени Платона стала испытывать определенные затруднения. Так, если последовательно стать на точку зрения Парменида (элеатов), то приходим к абсолютной невозможности мыслимости множества и движения [1, с. 97], [2, с. 144], что необходимо ставит вопрос о значении и онтологическом статусе чувственно воспринимаемой реальности. Похожее затруднение, связанное с мыслимостью реальности возникает и при последовательном проведении «линии Гераклита». Гераклиту издавна

приписывают фразу «*panta rhei*» – «все течет». Но постоянно движущийся и текучий мир крайне сложно (и даже невозможно) мыслить. Для мыслительных операций – анализа, синтеза, сравнения и т. д. – необходим определенный критерий, точка отсчета, система координат, относительно чего может происходить познание. Но во всеобщей текучести и изменчивости такого критерия нет. Именно поэтому «линия Гераклита» уже у софистов приводит к отождествлению знания с ощущением. Для ощущений не нужна точка отсчета и система координат, а единственным критерием ощущения является человек (вспомним «Человек – мера всех вещей» Протагора).

Однако отождествление знания и ощущения совершенно неприемлемо для Платона. Ведь посредством одного лишь ощущения невозможно получить сущностное знание о мире.

Именно критике теории познания «племени Гераклита» (160 d) [7] и его последователей во многом и посвящен диалог «Теэтет».

А.Ф. Лосев в своих комментариях называет точку зрения, критикуемую Платоном, сенсуалистической теорией познания [4, с. 1170]. Но на наш взгляд, гносеологические выводы из методологической установки Гераклита нельзя в полной мере охарактеризовать как сенсуалистические. Согласно традиционному пониманию, сенсуализм видит источник знания в ощущениях. Однако сложно найти какого-либо античного философа, включая Платона, который полностью бы отрицал значение чувств и ощущений в познании. Поэтому, на наш взгляд не совсем правильна трактовка «Теэтета» со стороны А.Ф. Лосева исключительно в качестве критики *сенсуализма*. Здесь Платон критикует популярную в античности «линию Гераклита», установку, согласно которой мир постоянно изменяется, а также гносеологические выводы из этой установки.

Как уже было отмечено ранее, в диалоге «Теэтет» приводятся формулировки трех понятий знания. Каждое из этих понятий отвергается Сократом. Структура критики, которой придерживается Сократ, следующая: сначала он приводит ряд последовательных доводов против конкретного

понимания знания, а затем указывается сущностный, главный аргумент, который полностью отвергает то или иное понимание.

Первым предлагаемым для рассмотрения пониманием знания есть отождествление знания с ощущением. Последовательный ряд доводов Сократа вскрывает противоречия, связанные с данным взглядом на знание. Так, Сократ приводит пример с иностранным языком: если мы видим или слышим непонятный для себя иностранный язык – это вовсе не значит, что мы его знаем. Кроме того, если ощущать – это знать, то не ощущать тогда – не знать. А из этого следует вывод: если видеть предмет, значит знать его, тогда закрыв глаза, человек перестает знать предмет, открыв глаза, снова узнает его. [7]

Но основной причиной, по которой Платон отвергает понимание знания как ощущения, является субъективный характер ощущения [4, с. 1176]. Если бы ощущение было знанием, то получилось бы знаний столько, сколько и людей. Ведь у каждого человека ощущения могут быть разными: у больного или глупого – одни, у здорового или мудрого – другие. Сократ говорит о необходимости для знания какой-то «недвижимой определенности», чего-то нетекучего и безотносительного. Речь идет об определенном критерии, по отношению к которому можно воспринимать все движимое и текучее и который сможет выступить основой для знания. Без такого критерия знание невозможно. Это – одна из главных позиций, по которой Платон критиковал «лагерь Гераклита».

В следующей части диалога критикуется понимание знания как истинного мнения. В появлении этой трактовки знания можно увидеть попытку преодолеть недостаток предыдущей точки зрения.

Структура опровержения – та же, что и для предыдущего определения. Так, сначала приводится ряд последовательных доводов – Сократ убеждает собеседников в том, что ложного мнения не существует, исходя, прежде всего из субъективности понимания мнения. Человек не может обладать ложным мнением, так как тогда он будет отдавать себе отчет в том, что его мнение – ложно. Это в свою очередь будет значить, что его настоящее мнение вовсе не

ложно. Если же не существует ложного мнения, то нельзя говорить и о мнении истинном. Кроме того, если истинное мнение – это мнение о бытии, то ложное мнение – это мнение о небытии. Но небытие – это несуществующее, а о несуществующем вообще невозможно иметь какого-либо мнения. Также серьезным аргументом против понимания знания как истинного мнения является высказывание Сократа о том, что мнение можно внушить или навязать другому, во мнении можно убедить человека, например судью. Даже если мнение при этом будет соответствовать истине, оно, внушенное кому-либо, еще не будет знанием. [1, с. 145].

Но главный аргумент против понимания знания как истинного мнения кроется все в той же последовательной критике гносеологии «линии Гераклита». Понимание знания как истинного мнения у оппонентов Платона направлено на преодоление недостатка взгляда на знание как на ощущение. Так, действительно, мнение – это не ощущение, а комплекс ощущений, результат определенной работы рассудка. Это позволяет преодолеть некоторые из возражений, приводимых Сократом против знания как ощущения. Так, к примеру, говоря о знании как о мнении, нельзя сказать, что оно исчезнет, если закрыть глаза. С закрытыми глазами человек не получает чувственных данных, но мнение у него сложено. Иметь истинное мнение в этом плане значит – знать.

Тем не менее, согласно Платону, понимание знания как истинного мнения не ликвидирует основного недостатка предыдущего определения знания. При таком понимании знания необходимо возникает вопрос о понятии истины. Очевидно, что субъективное мнение становится истинным при соответствии его определенному объективному положению вещей, некой реальности. Но нахождение такой реальности и такого объективного положения вещей требует, в свою очередь, определенного критерия истинности, правильности. В непрерывной текучести мира, постулируемой Гераклитом и примыкающими к нему философами, явно такого критерия не найти. Кроме того, соответствие мнения реальности и объективному

положению вещей уже подразумевает знание об этой объективной реальности, что приводит к логическому кругу [4, с. 1177].

После опровержения такого определения знания вполне логично возникновение следующего – последнего в диалоге понимания знания. Наиболее «совершенной» в диалоге является трактовка знания как истинного мнения с объяснением. Добавление объяснения в истинное мнение – это и есть попытка соединить критерий истинности с мнением, попытка прояснить отношение мнения к объективной реальности через это объяснение.

Но согласно Платону и такое понимание знания не разрешает основного противоречия. Само по себе объяснение не может прояснить, почему что-либо является истинным, не может связать мнение с критерием истины. Объяснение является тем же мнением, которое пытается пояснить другое мнение. По сути, объяснение есть набором слов и слогов, равно как и мнение. Все слова вместе просто дублируют мнение, а каждое слово и слог в отдельности ничего сами по себе не значат [4, с. 1177].

Таким образом, можно сделать вывод, что при соединении «линии Гераклита» и платоновского понимания знания как постижения сущности предмета, познание мира невозможно. Текущий и постоянно изменчивый мир невозможно соотнести с чем-либо, невозможно сравнить, проанализировать, даже охарактеризовать или описать, так как он все время ускользает от тебя, все время меняется. В подвижном и изменчивом мире отсутствует та неизменная сущность, постижение которой по Платону и было знанием.

Разрешением противоречия непознаваемости изменчивого мира стала платоновская теория идей.

Идея, как центральное понятие онтологии Платона, – это истинное бытие, прообраз вещей, цель, к которой вещи стремятся. Идеи – вечны, безвременны, неизменны. Противоположным по отношению к миру идей является материальный мир. Материя – изменчива, подвижна, текуча. Также существует мир чувственных вещей. Это и есть мир, в котором живет человек, доступный

для его восприятия. Этот мир – порождение мира идей и мира материи, и он находится на их стыке.

Введение недвижимых и незыблемых идей в объяснение бытия позволили Платону преодолеть (в рамках его концепции) ту непознаваемость мира, которая следовала из «линии Гераклита». Существование неподвижных идей как идеальных образцов и постоянное изменение материального мира (движение вещей в своем развитии к своим идеям) как нельзя лучше сочетались между собой. При этом исчезало противоречие между подвижным, изменчивым миром и возможностью его познания.

В пользу такого вывода говорит и платоновская классификация знания, которая приводится в шестой книге «Государства». Так, знание делится на «мышление» («разум»), «рассудок», «веру» и «уподобление». Такое деление вполне согласуется с онтологией Платона. В структуре бытия разуму соответствует мир идей, рассудку – мир вещей, а вере и уподоблению – мир материи [1, с. 150].

То есть, можно сделать вывод, что платоновское знание как знание о мире с необходимым постижением сущего, сущности мира, могло служить предпосылкой введения Платоном теории идей в объяснение бытия. Категория знания при таком понимании становится одной из отправных точек платоновского идеализма.

Значения знания в социальной философии

Значительное место уделяет Платон категории знания в социальной философии.

Так, ядром социальной философии Платона является, прежде всего, его модель идеального государства. Подробное описание устройства идеального государства философ дает, главным образом, в диалоге «Государство».

Здесь большое внимание уделяется знанию как неотъемлемому свойству правителя. Так, в «Государстве» указывается, что правители должны быть способными к познанию, обладать знанием, усматривать истину, стремиться к

мудрости, отличаться соразмерностью природы и врожденной тонкостью ума [5, с. 214-227]. Причем знание для правителей должно быть «приоткрывающим вечно сущее и не изменяемое уничтожением бытие» [5, с. 225]. Это вполне согласуется с платоновским пониманием знания, приводимым нами вначале.

По мнению Платона только философы обладают такими характеристиками и являются достойными управлять государством [5, с. 214].

То есть, знание, наряду с мудростью и подобными качествами, выступает своего рода критерием для отнесения человека к главному классу идеального государства – классу философов-правителей. По мнению Платона, только те люди могут управлять другими людьми, которые обладают знанием, знают, что для людей есть благо, а что – нет.

Кроме того, существует определенный набор знаний, которым нужно овладеть всем жителям идеального государства. Указания к этому содержатся в седьмой книге «Государства». Показателен в этом плане приводимый здесь знаменитый платоновский миф о пещере. В мифе пещера символизирует человеческую жизнь. Люди сидят спиной к свету, лицом к стене пещеры. На стене мелькают тени предметов, проходящих за людьми. Тот, кто выйдет на свет – сразу не сможет адекватно видеть реальные предметы и захочет обратно. Способность видеть предметы на свету, а не тени – является способностью познать чистое бытие. Эту способность, согласно Платону можно развить с помощью наук: математики, геометрии, астрономии, музыки [5, с. 266-286].

Таким образом, в идеальном государстве Платона знание является необходимым признаком, своеобразным атрибутом правителей, а также подлежит усвоению со стороны жителей государства. Можно сделать вывод, что знание в социальной философии Платона играет роль формирующего фактора для социальной реальности – его модели государства.

Роль знания в платоновской этике

Не менее важную роль занимает знание в практической философии Платона, а именно – в его этике.

Показателен в этом плане один из ранних диалогов «Протагор». Здесь между действующими лицами – Сократом и софистом Протагором заходит спор о том, можно ли научить добродетели. Сократ сначала занимает позицию отрицания и указывает, что Протагор не может научить добродетели, так как ей вообще нельзя научиться. Но к концу диалога собеседники полностью изменяют свои изначальные убеждения вплоть до обратных. Сократ доказывает, что мужество – это всего лишь объективная оценка своих возможностей, то есть – знание о предмете. Из этого делается вывод, что добродетели (мужеству как его части) можно научиться [8, с. 447-451].

Также в «Протагоре» Сократом высказывается важная мысль о том, что человек, творящий зло, просто не *знает* добродетели, а человек, *знающий* добродетель, никогда не будет поступать дурно, всегда будет творить благо [8, с. 451-456]. Доказательству этого же положения посвящены первые книги «Государства». Согласно Платону, люди, живущие не по справедливости, просто не обладают достаточным знанием о справедливости. Знающие люди будут поступать исключительно справедливо.

Интересен в этом плане итог беседы Сократа с выдающимся софистом в «Протагоре». Сократ приходит к выводу, что вся добродетель – и есть знание [8, с. 461], то есть философ отождествляет знание и добродетель.

Кроме того, знание в платоновской этике является одним из величайших удовольствий: «...Нет ничего сильнее знания, оно всегда и во всем пересиливает удовольствия» [8, с. 457].

Вызывает интерес также соотношение знания с центральной категорией этики, и вообще, всей философии Платона – с категорией блага. Так, в шестой книге «Государства» указывается, на то, что благо является условием знания: «Так вот, то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага – причиной знания и познаваемости истины» [5, с. 254]. Согласно метафоре Платона, как без солнца невозможно зрение (но зрение при этом – не само солнце), так и без блага невозможно знание [5, с. 254].

То есть, знание у Платона выступает элементом его практической философии. Согласно платоновской этике знание является руководством для справедливых и добродетельных человеческих поступков, а также самой добродетелью, которой можно научиться.

Таким образом, категория знания является одной из центральных практически во всех основных разделах идеализма Платона. Так, понимаемое философом знание как знание сущности предмета могло инициировать поиск Платоном того неизменного сущего в текучем мире, которое можно было познать, насчет которого можно было бы получить знание в платоновском понимании. Это дает возможность трактовать знание как предпосылку введения теории идей в объяснение бытия. Исходя из этого, значение категории знания для первой завершенной и наиболее полной системы идеализма сложно переоценить.

Категория знания проходит красной нитью через основные разделы философии Платона. Так, в главной составляющей социальной философии Платона – в идеальном государстве – знанием обязаны обладать правители, а также знание в виде конкретных наук подлежит усвоению со стороны жителей идеального государства. То есть, знание здесь выступает фактором, формирующим саму социальную реальность – модель идеального государства. Кроме того, знание является важнейшим элементом практической философии – руководством для добродетели и благих поступков человека, и самой добродетелью одновременно.

Источники и литература

1. Асмус В.Ф. Античная философия. – М., 2005 г.
2. Богомолов А.С. Античная философия. – М., 1985 г.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). – М., 1963 г.

4. Лосев А.Ф. Критические замечания к диалогу «Теэтет» // Платон. Диалоги. Книга первая. – М., 2008 г.
5. Платон. Государство // Платон. Избранное. – М., 2007 г.
6. Платон. Диалоги. Книга первая. – М., 2008 г.
7. Платон. Диалоги. Книга вторая. – М., 2008 г.
8. Платон. Протагор // Платон. Избранное. – М., 2007 г.
9. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. – Новосибирск, 2001 г.
10. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. – М., 1981 г.